

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

Мигла Анастасия Владимировна

**РЕФЕРЕНЦИЯ «ПУСТЫХ» ТЕРМИНОВ КАК ФИЛОСОФСКАЯ
ПРОБЛЕМА**

Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Москва 2013

Работа выполнена в аспирантуре Государственного академического университета гуманитарных наук, в Секторе социальной эпистемологии Института философии РАН

Научный руководитель: доктор философских наук

Никифоров Александр Леонидович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор

Герасимова Ирина Алексеевна

доктор философских наук, доцент

Макеева Лолита Брониславовна

Ведущая организация: Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, философский факультет, кафедра философии и методологии науки

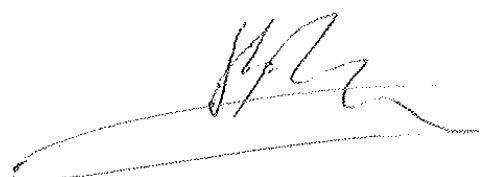
Защита состоится «_____» марта 2013 года в _____ часов на заседании Диссертационного совета Д.002.015.03 Института философии РАН по адресу: Москва, ул.Волхонка, д.14/1, стр. 5, зал заседаний Ученого совета (к. 524)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН

Текст автореферата диссертации вывешен на сайте ВАК <http://vak.ed.gov.ru/>

Автореферат разослан «_____» февраля 2013 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

В.И.Шалак

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Проблема значения «пустых» терминов возникает в связи с отношением языка к реальности. Исторически «пустыми» назывались термины, которым ничего не соответствует в физическом мире. Такое понимание мы находим, в частности, у Б.Рассела. Однако одни и те же языковые выражения могут оказаться «пустыми» или непустыми в зависимости от того, какой позиции философ придерживается относительно природы реальности. В частности, если он отождествляет реальность с физическим миром, то такие имена как «Пегас», «круглый квадрат», «Шерлок Холмс» будут «пустыми». Если допускается существование абстрактных или идеальных объектов, то данные имена можно рассматривать как обозначающие выражения (А.Майнонг, Э.Залта). Во избежание возникновения путаницы уточним, что под «пустыми» именами в данной работе мы будем понимать имена, обозначающие объекты, не существующие в нашем предметном мире (объекты мифов и вымысла, идеализированные объекты науки, противоречивые объекты), несмотря на то, что относительно их «пустоты» или «непустоты» могут быть различные мнения.

Вопрос об употреблении языковых выражений, относящихся к несуществующему, обсуждается философами еще со времен Аристотеля. Однако в последнее столетие, в связи с так называемым «лингвистическим поворотом», возникновением логической семантики, исследованиями в области философии языка, философии науки и лингвистики этот вопрос приобретает новое звучание и обсуждается в современной философии в контексте целого комплекса проблем.

Во-первых, проблема «пустых» терминов непосредственно связана с решением вопроса о соотношении языка и реальности. На протяжении

последнего столетия философы пытались понять, каким образом выражения нашего языка связаны с предметами окружающего мира. Философы-аналитики, пишет отечественный исследователь Л.Б.Макеева, разделяли веру в то, что «...наиболее общие особенности реальности каким-то образом запечатлены в структуре языка и могут быть выявлены в ходе ее анализа <...> Только анализируя наши суждения или высказывания о мире, которые мы признаем за истинные, мы можем составить представление о том, какого рода объекты и сущности обладают реальным существованием»¹. Во второй половине XX в. наметился иной подход к пониманию соотношения языка и реальности, связанный с появлением гипотезы лингвистической относительности американских лингвистов Э.Сепира и Б.Л.Уорфа. Согласно их исследованиям, структуры языка не отражают структуру реальности, а, напротив, формируют определенное представление о ней. Мысль о том, что структуры реальности не отпечатаны в языке и что он служит иным, прагматическим целям, получила дальнейшее развитие, в частности, в работах позднего Л.Витгенштейна.

В связи с наличием различных конкурирующих точек зрения на проблему соотношения языка и реальности успешное решение вопроса о значении «пустых» терминов представляется крайне важным для сохранения реалистской традиции в отношении языка. Действительно, наличие «пустых» терминов угрожает реалистской интерпретации, согласно которой структуры языка тем или иным образом соответствуют структурам реальности. «Пустой» термин, который не обозначает ни один предмет в мире, нарушает соответствие между языком и реальностью и ставит под сомнение реалистскую интерпретацию языка в целом. От того, насколько успешным окажется решение этой проблемы, зависит сохранение и плодотворность реалистской интерпретации.

¹ Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. – М., 2011, с. 5.

Вторая проблема, в связи с которой обсуждается референциальный статус «пустых» терминов – это проблема существования. Когда философ принимает определенную онтологию, в соответствии с ней некоторые вещи являются существующими, а некоторые не обладают бытием. С другой стороны, в языке мы говорим как о том, что существует, так и о том, что, с нашей точки зрения, существованием не обладает. Но в таком случае встает вопрос: каким образом мы можем говорить о том, что не существует, понимать высказывания о несуществующем и считать их истинными или ложными? Чтобы разрешить эту проблему, некоторые философы предлагали выделить несколько типов существования (А.Майнонг), тем самым признав существование некоторых объектов, обозначаемых так называемыми «пустыми» терминами, другие принимали несуществующие объекты, которые не обладают бытием, но все же являются объектами (например, Т.Парсонс, Г.Прист), третьи пытались решить вопрос об употреблении «пустых» терминов на уровне семантики и прагматики (Б.Рассел, Р.М.Сэинсбери, Дж.Серл, Г.Эванс и другие), не вдаваясь в метафизические рассуждения и не делая смелых онтологических допущений.

Таким образом, вопрос о «пустоте» или «непустоте» терминов связан у многих философов с вопросом о природе реальности, а его решение имеет непосредственное отношение к принимаемой философом онтологии и наоборот, принятая онтология часто определяет, какие термины языка оказываются пустыми, а какие – непустыми. В частности, для Б.Рассела, понимающего существование как физическое существование, пустыми оказывались имена «Пегас», «круглый квадрат», для А.Майнонга выражение «число 3» обозначало объект, обладающий существованием в смысле наличествования². Многие из современных исследователей предприняли попытку разорвать эту принимаемую большинством аналитических философов

² Наряду с физическим существованием А.Майнонг выделял второй тип существования – наличествование. Более подробное пояснение данным понятиям будет дано в разделе, посвященном теории предметов Майнонга.

со времен Рассела связь между существованием и языком, допустив несуществующие объекты (Т.Парсонс, Э.Залта и др).

В-третьих, наличие «пустых» терминов является одной из проблем современных теорий референции.

Работы Б.Рассела положили начало развитию так называемой «двухплоскостной» семантики³. В работе «Философия логического атомизма»⁴ Рассел высказал идею о существовании подлинных имен, референты которых определяются остенсивно и которые функционируют как бирки. Сторонники теории прямой референции восприняли и развили взгляды Рассела, распространив способ функционирования индексикалов на все имена в принципе, и утверждали, что все подлинные имена должны функционировать как лишенные смысла бирки, прикрепляемые к некоторому физическому объекту. Стоит заметить, что теория прямой референции является на данный момент наиболее распространенной и популярной среди англоязычных философов-аналитиков.

Однако именно для двухплоскостных семантик проблема «пустых» имен встает с особой остротой. Действительно, если у имен отсутствует смысловое содержание и единственной функцией имени является обозначение объекта, то каким образом мы можем объяснить употребление «пустых» имен в языке и успешную коммуникацию, которую говорящие осуществляют, используя эти имена? В связи с этим вопрос о том, каким образом функционируют «пустые» имена в языке, является одним из ключевых вопросов для двухплоскостных семантик, ответ на который является условием выживания или признания несостоятельности данных концепций.

3 Под «двухплоскостной» семантикой в диссертации понимается представление, согласно которому имена естественного языка имеют лишь значение (денотат), но не обладают смыслом.

4 Рассел Б. Философия логического атомизма. - Томск, 1999.

Наконец, четвертая причина значимости данной проблемы для философии связана с тем, что исследование природы и значения «пустых» терминов может пролить свет на сущность и функционирование науки и научного знания. Как известно, наука, в особенности теоретическая имеет дело с абстрактными и идеализированными объектами. Термины, обозначающие такого рода объекты, могут считаться некоторыми философами «пустыми». В связи с этим ответ на вопрос о том, обозначают ли что-то «пустые» термины и каким образом осуществляется это обозначение, будет способствовать пониманию онтологического статуса объектов, которыми оперирует наука, эпистемологического статуса предложений, выражающих научное знание, а, следовательно, пониманию природы научного знания в целом.

В связи с тем, что на сегодняшний момент наиболее обсуждаемой и важной в аналитической философии является проблема референциального статуса «пустых» имен, в диссертации будут рассматриваться проблемы референции именно этого типа языковых выражений. Под именем понимается языковое выражение, указывающее на единичный объект, то есть, в диссертации под именами будут пониматься не только имена собственные, но и дескрипции. В том случае, когда все-таки требуется произвести соответствующее различие, употребляется понятие «имя собственное», обозначающее такие имена как «Иван», «Москва», «Волга» и т.п.

Степень научной разработанности проблемы

Ключевая роль проблемы «пустых» имен для исследований в философии языка и теории референции породила огромное количество литературы, посвященное данной проблематике. Вслед за Б. Расселом почти каждый философ, обращавшийся к исследованию языка, пытался предоставить свое собственное решение проблеме «пустых» имен. Данная проблема обсуждается

во многих статьях и книгах. Проанализировать все эти работы в рамках кандидатской диссертации представляется невозможным. Поэтому мы ставим перед собой задачу указать наиболее важные и ключевые работы, посвященные данной теме, соответствующие вехам развития и углубления анализа «пустых» имен в философии языка.

Прежде всего, необходимо выделить работы австрийского мыслителя Алексиуса Майнонга⁵, теория объектов которого и по сей день выступает источником вдохновения как для философов, придерживающихся реалистического толкования «пустых» имен, так и философов-антиреалистов.

Теорию объектов Майнонга с позиции философии языка критиковал Б. Рассел⁶, развивавший идею о существовании подлинных и неподлинных имен. Точка зрения Б. Рассела, согласно которой философия, как и всякая наука, должна иметь дело только с существующими предметами, была воспринята большинством современных философов-аналитиков. Отсюда стремление найти объяснение употреблению «пустых» имен без построения соответствующей семантики.

Наряду с работами Б. Рассела и У. Куайна⁷, которые просто устраняли «пустые» имена из языка, был предложен ряд антиреалистских трактовок⁸ «пустых» имен, в которых была предпринята попытка не просто устранить такие имена, а дать объяснение тому, каким образом они все же употребляются в языке, несмотря на отсутствие референтов. Здесь можно выделить такие

⁵ В диссертации использовались работы Meinong A. On the theory of objects // *Realism and the Background of Phenomenology*. - Glencoe, 1960; Майнонг А. Самоизложение. - М., 2003; Meinong A. Ueber Annahmen. - Leipzig, 1910.

⁶ Russel B. On denoting // *Mind*. - 1905. - № 56, Vol.14. - Pp. 479-493; Рассел Б. Философия логического атомизма. - Томск, 1999.

⁷ Куайн У. О том, что есть, Слово и объект // *Слово и объект*. - М., 2000.

⁸ Под антиреалистскими трактовками «пустых» имен понимаются такие трактовки, согласно которым «пустые» имена не имеют референтов. Им противопоставляются реалистские трактовки, согласно которым «пустые» имена обозначают различного рода объекты (несуществующие, абстрактные и т.п.).

стратегии как введение операторов вымысла (Р.М.Сэинсбери⁹), обращение к когнитивному значению языковых выражений (Д.Браун¹⁰), импликатурам (М.С.Гриин, Ф.Адамс, Г.Фуллер и Р.Штекер¹¹), пресуппозициям (Р.М.Сэинсбери) и языковым играм (Г.Эванс, Дж.Серл, С. Шиффер¹²).

Гораздо меньшее распространение в современной аналитической философии получила точка зрения, согласно которой «пустые» имена все-таки имеют референты. Этими референтами являются объекты, которые понимаются различным образом: как объекты, которые не существуют, но имеются (Т.Парсонс¹³), как абстрактные объекты (Э.Залта¹⁴), как объекты, населяющие возможные и невозможные миры (Д.Льюис¹⁵, Г.Прист¹⁶). Наряду с этим существуют философы, которые прибегают как к реалистским, так и к антиреалистским подходам в зависимости от контекста, в котором употребляется «пустые» термины (С.Крипке, П.Инваген, Н.Салмон, С.Соамс)¹⁷.

⁹ Sainsbury R.M. Fiction and factionalism. – New York, 2010.

¹⁰ Braun D. Empty names // *Nous*. - 1993, - № 4, Vol. 27. - Pp. 449-469.

¹¹ Green M.S. Direct Reference and Empty names // *Canadian Journal of Philosophy*. - 2007. - № 3. Vol 37. – Pp. 419 - 448; Adams F., Fuller G., Stecker R. The Semantics of Fictional Names // *Pacific Philosophical Quarterly*. - 1997. - № 78. - Pp. 128-148; Adams F., Stecker R. Vacuous Singular Terms // *Mind and Language*. - 1994. - № 9. – Pp. 387-401.

¹² Schiffer S. Language-Created Language-Independent Entities // *Philosophical Topics*. – 1996. - № 24 (1). –Pp. 149–167; Searle J. The Logical Status of Fictional Discourse // *New Literary History*. – 1975. № 6 (2). – Pp. 319 –332; Evans G. *The Varieties of Reference*. – Oxford, 1982.

¹³ Parsons T. *Nonexistent Objects*. - New Haven, 1980.

¹⁴ Zalta E. *The Theory of Abstract Objects*. [Электронный ресурс]. URL: <http://mally.stanford.edu/theory.html> (дата обращения: 14.08.2012); Zalta E. *Principia Metaphysica* (Draft). [Электронный ресурс]. URL: <http://mally.stanford.edu/principia/principia.html> (дата обращения: 14.08.2012); Zalta E. Referring to Fictional Characters // *Dialectica*. – 2003. - № 57/2. – Pp. 243-254.

¹⁵ Lewis D. Truth in Fiction. // *American Philosophical Quarterly*. -1978. - № 15. – Pp. 37–46.

¹⁶ Priest G. *Towards non-being: the logic and metaphysics of intentionality*. - Oxford, 2005.

¹⁷ Kripke S. *Reference and Existence: The John Lock Lectures for 1973* (неопубликованы); Inwagen P.V. *Creatures of Fiction* // *American Philosophical Quarterly*. – 1977. - № 14(4). – Pp. 299-308; Salmon N. *Nonexistence* // *Noûs*. – 1998. - № 3, Vol. 32. - Pp. 277-319; Soames S. *Beyond Rigidity*. – Oxford, 2002.

На данный момент в зарубежной литературе можно выделить две обзорные работы, посвященные проблематике «пустых» имен. Это книга Р.М.Сэинсбери «Вымысел и фикционализм» и книга Дж.Аззони «Разговор ни о чем»¹⁸. Хотя книга Р.М.Сэинсбери посвящена тому, как мы можем говорить о вымысле, в ней представлены основные подходы к решению проблемы «пустых» имен в целом. К недостаткам книги можно отнести неполное освещение истории и предпосылок антиреалистской и реалистской позиций, а также отсутствие или недостаточное освещение некоторых стратегий (в частности, применения импликатур и пресуппозиций для разговора о несуществующем). Книга Дж.Аззони посвящена не только именам вымышленных объектов, но и выражениям языка, обозначающим числа, галлюцинации, объекты науки. Несмотря на это, она уступает работе Сэинсбери по широте охвата материала, в частности, в ней недостаточно освещаются или не освещаются интерпретации «пустых» имен как объектов, населяющих возможные и невозможные миры, а также некоторые прагматические подходы. Данная книга скорее создавалась не с целью представить наиболее полный обзор существующих точек зрения, но высказать авторскую позицию.

В отечественной литературе вопрос о значении пустых терминов так или иначе затрагивался во многих публикациях. Прежде всего, следует выделить направление исследования данной темы, связанное с разработкой проблем логики и логической семантики. Этим вопросам посвящены работы А.М.Анисова, А.В.Бессонова, В.Л.Васюкова, Е.К.Войшвилло, И.А.Герасимовой, Ю.Г.Гладких, В.Н.Карповича, В.Г.Кузнецова, Е.Е.Ледникова, В.А.Ладова, Л.Б.Макеевой, Р.И.Павилениса, В.А.Смирнова,

¹⁸ Azzouni J. Talking about nothing. Numbers, Hallucinations and Fictions. – Oxford, 2010.

Е.Д.Смирновой, В.В.Целищева и других¹⁹. Вопросы о значении «пустых» терминов затрагивались в работах отечественных лингвистов Н.Д.Арутюновой, И.М.Кобозевой, Ю.С.Степанова и других²⁰. Наконец, в связи с проблемой «пустых» терминов нельзя не упомянуть работы философов науки, посвященные анализу научных абстракций и идеализаций, статусу теоретических терминов, природе идеализированных объектов научных теорий. Этим вопросам были посвящены работы Л.Б.Баженова, Е.А.Мамчур, Ю.Б.Молчанова, А.А.Печенкина, Г.И.Рузавина, В.С.Степина, В.С.Швырева, В.А.Штоффа²¹, и многих других отечественных философов.

¹⁹ Анисов А. М. Типы существования // «Вопросы философии», 2001, №7; Бессонов А.В. Теория объектов в логике. – Новосибирск, 1987; В.Л.Васюков. Формальная феноменология. – М., 1999; Войшвилло Е.К. Понятие. М., 1967; Герасимова И.А. Формальная грамматика и интенциональная логика, – М., 2000; Гладких Ю.Г. Логика без экзистенциальных предпосылок. – М., 2006; Карпович В.Н. Термины в структуре теории. – Новосибирск, 1978; Кузнецов В.Г. Фрегевская интерпретация понятия «существование». – Вестник МГУ. Сер. Философия. 1984, № 6; Ледников Е.Е. Онтологическая проблематика в свете аналитической философии // Логос. – 2009. - № 2. С. 37-43; Ледников Е. Собственные имена и концепция существования // Эпистемология & Философия науки. – 2012. - №2, С. 69 – 72.; Ладов В.А. Онтологическая проблематика в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. – 2012. - № 1. - С. 84-97; Ладов В.А. Формальный реализм // Логос. - №2, Т.70. С. 11-23; Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. – М., 2011; Павиленис Р.И. Проблема смысла. – М., 1983; Смирнов В.А. Логические методы анализа научного знания. М., 1987; Смирнов В.А. Формальный вывод и логические исчисления. – М., 1972; Смирнова Е.Д. Логическая семантика и философские основания логики. М., 1986; Смирнова Е.Д., Таванец П.В. Семантика в логике. – Логическая семантика и модальная логика. – М., 1967; Целищев В.В. Логика существования. – М., 2010; Целищев В.В. Существование и пустые термины. – Вопросы философии, 1970, № 12.

²⁰ Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции. – Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М., 1982. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2008; Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. – М., 1985; Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

²¹ Баженов Л.Б. Структура и функции естественнонаучной теории. – М., 1978; Мамчур Е.А. Проблема соизмеримости теорий. – Физическая теория. Философско-методологический анализ. М., 1981; Молчанов Ю.Б. Проблема времени в современной науке. М., 1990; Печенкин А.А. Обоснование научной теории: классика и современность. – М., 1991; Рузавин Г.И. О природе математического знания. М., 1968; Степин В.С. Теоретическое знание. – М., 2000; Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. – М., 1978; Штофф В.А. Проблемы методологии научного познания. М., 1978.

Следует заметить, что вопрос о значении пустых терминов в отечественной литературе рассматривался, как правило, в связи с решением проблем, относящихся либо к пониманию природы научного знания, связи теоретического знания с эмпирическим, эмпирической проверке теоретических утверждений, либо к построению формализованных систем логики. В отечественной литературе до сих пор нет серьезных работ, дающих обзор и анализ разнообразных подходов, в том числе прагматических, к истолкованию значения пустых терминов и слов обыденного языка, рассматривающих онтологические и гносеологические проблемы использования пустых терминов в естественном языке.

Объектом диссертационного исследования являются семантические свойства выражений естественного языка.

Предметом диссертационной работы является проблема значения «пустых» единичных терминов и собственных имен естественного и научного языка.

Цель исследования состоит в выявлении того, в какой мере существующие трактовки «пустых» имен отражают их использование в естественном языке.

Исследовательские задачи

- 1) Проанализировать антиреалистские интерпретации «пустых» имен: предпосылки, историю становления данной позиции, ее основания и существующие антиреалистские стратегии, применяемые к анализу предложений с «пустыми» именами. Дать общую оценку данным подходам, проанализировать, насколько они отображают

употребление «пустых» имен в естественном языке, а также выявить трудности, с которыми эти подходы сталкиваются.

- 2) Рассмотреть взгляды сторонников противоположной позиции – реалистов в отношении «пустых» имен: истоки и основания этого взгляда, основные существующие на сегодняшний день трактовки природы несуществующих объектов и референции «пустых» имен. Дать оценку данным подходам и выявить проблемы, встающие перед реалистскими трактовками «пустых» имен.
- 3) Проанализировать, в какой мере построение семантики «пустых» имен является необходимым и насколько важно отображение обыденного словоупотребления в такой семантике.

Теоретико-методологическая основа исследования

В работе используется логико-семантический подход к анализу языка, а также результаты исследований в области философии языка, эпистемологии и лингвистики.

Анализ проблемы значения «пустых» терминов осуществляется при использовании методов современной аналитической философии, особое внимание уделено анализу в рамках концептуального аппарата теорий референции, а также прагматическим методам, разрабатываемым в современной философии языка.

Научная новизна работы определяется поставленными в ней целью и задачами и заключается в следующем:

- 1) Проведен всесторонний анализ подходов к проблеме значения «пустых» имен. Впервые в отечественной литературе были

рассмотрены современные подходы, объясняющие употребление «пустых» имен посредством прагматических аспектов языка. Проанализированы различные варианты антиреалистских и реалистских интерпретаций «пустых» имен, а также проблемы, с которыми сталкиваются данные подходы.

- 2) В ходе исследования был рассмотрен вопрос о том, в какой мере построение семантики «пустых» имен является необходимым и насколько оно должно отображать обыденное словоупотребление. На основе проведенного анализа был сделан вывод, что построение семантики «пустых» имен является необходимым в том случае, когда целью изысканий философа языка является создание такого объяснения функционирования «пустых» имен в языке, которое бы отражало реальную практику использования языка и его многообразие. В этом случае обыденное словоупотребление является отправной точкой исследования для философа, что, с другой стороны, не исключает и определенной «терапевтической» работы по отношению к естественному языку.
- 3) Было показано, что, с определенной точки зрения, «пустые» имена имеют больше оснований считаться подлинными именами, поскольку их смысл четко зафиксирован в соответствующих текстах, что допускает минимальные различия в их интерпретации.

Положения, выносимые на защиту

- 1) Антиреалистские интерпретации не могут отобразить определенные аспекты обыденного словоупотребления «пустых» имен. В частности, элиминация терминов, которые ничего не обозначают, в концепции Б.Рассела не объясняет их употребления в естественном языке. Для контекстуального подхода представляет трудность интерпретация

предложений, подразумевающих несколько контекстов. Наконец, вызывает сомнение, что говоря о вымышленных сущностях, мы подразумеваем их существование не в буквальном смысле, а лишь в рамках языковой игры или неистинной пресуппозиции, как утверждается в некоторых прагматических подходах к анализу высказываний с «пустыми» терминами.

- 2) Большинство существующих концепций философов-реалистов относительно «пустых» имен также не дают удовлетворительного решения рассматриваемой проблемы. В частности, концепции, использующие возможные миры для объяснения природы референтов «пустых» имен, сталкиваются с трудностями при решении проблемы онтологического статуса данных объектов и референции этих терминов.

Теории объектов Т.Парсонса и Э.Залты успешно решают проблему референции и дают более правдоподобное объяснение обыденному словоупотреблению, нежели концепции возможных миров. Однако, в концепции Т.Парсонса присутствуют некоторые неясности, связанные с природой свойств несуществующих объектов. Последнюю проблему удалось решить Э.Залте, чья интерпретация «пустых» имен представляется наиболее успешной реалистской стратегией понимания «пустых» имен.

Тем не менее, ни одна из реалистских концепций не решает проблему существования объектов, являющихся референтами «пустых» имен. Присвоение им статуса несуществующих объектов или объектов в возможных мирах, на наш взгляд, является некоторым техническим приемом, избавляющим от необходимости решения онтологической проблемы, связанной с допущением этих объектов.

- 3) При построении семантики «пустых» имен следует опираться на интуиции носителей естественного языка: отсутствие различий в употреблений «пустых» и непустых имен, принятие пресуппозиции существования референтов по крайней мере некоторых «пустых» имен.

Теоретическая значимость работы

Результаты, полученные в диссертационной работе, могут использоваться в исследованиях по философии языка, логической семантике, лингвистике, философии науки, эпистемологии, социальной философии и социальных науках. Диссертационное исследование проливает свет на проблему соотношения языка и реальности, а также способствует более глубокому пониманию специфики научных понятий и природы научного знания.

Практическая значимость диссертационной работы

Материал, имеющийся в диссертационном исследовании, может использоваться в курсах лекций по аналитической философии, философии языка, лингвистике, философии науки и эпистемологии.

Апробация работы

Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в публикациях автора, докладывались и обсуждались на заседаниях сектора социальной эпистемологии Института философии Российской академии наук, на семинаре молодых ученых Института философии Российской академии наук, на семинарах философского факультета Высшей школы экономики, а также на конференциях: «Именованное, необходимость и современная философия» (Москва, февраль 2011 г.); Международной конференции «Дэвид Юм и современная философия» (Москва, ноябрь 2011 г.); Всероссийской научной конференции с международным участием «Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России» (г.Санкт-Петербург, май 2012 г.).

Структура диссертации

Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, анализируется степень ее научной разработанности, формулируется цель и основные задачи работы, раскрывается научная новизна диссертации, методологические основания, теоретическая и практическая значимость исследования.

Первая глава «Антиреалистские интерпретации «пустых» имен» содержит исследование оснований и истории данной позиции, а также анализ существующих в современной аналитической философии антиреалистских интерпретаций «пустых» имен.

В первом параграфе «Постановка проблемы» рассматривается суть проблемы «пустых» имен и ее значимость для современной аналитической философии. В разделе обосновывается тесная взаимосвязь референции с вопросами существования в аналитической философии.

Вопрос о референциальном статусе имен собственных связывался философами-аналитиками с вопросами существования. Положение, согласно которому имя должно обозначать нечто, что существует, в противном случае оно не является подлинным именем, считается многими философами-аналитиками аксиомой, не требующей дополнительного обоснования. Эту мысль принимали Г.Фреге, Б.Рассел, П.Ф.Стросон, Дж.Серл и многие другие философы. Вследствие принятия данной «аксиомы» проблема «пустых» имен становится одной из важнейших проблем для философов-аналитиков, занимающихся теорией референции. С одной стороны, такие имена постоянно

употребляются в языке и говорящие, использующие эти имена, осуществляют успешную коммуникацию, а с другой, в рамках вышеописанной позиции, «пустые» имена не имеют референтов, что влечет за собой невозможность истинностной оценки предложений с ними, а в рамках двухплоскостной семантики - полное отсутствие какого бы то ни было семантического содержания у собственных имен. Это противоречие представляет серьезную угрозу для современных теорий референции и вызывает сомнения в том, дают ли они верное описание того, как используется наш язык. Отсюда возникает необходимость объяснения функционирования «пустых» имен в языке. Вслед за Б. Расселом, обратившим внимание на важность данной проблемы в работе «Об обозначении», каждый философ, занимающийся теорией референции, пытался дать свое решение проблеме «пустых» имен. В противном случае, теория референции, которая не могла успешно справиться с данной проблемой, оказывалась несостоятельной.

Во **втором параграфе «Основания антиреализма»** приводятся основания антиреалистской позиции. Можно выделить онтологическое, гносеологическое, логическое и эстетическое основание данной позиции.

Одним из самых сложных вопросов, встающих в связи с употреблением «пустых» имен является онтологический вопрос: существуют ли и каким образом существуют объекты, обозначаемые так называемыми «пустыми» именами. В случае положительного ответа на этот вопрос философ вынужден решить ряд возникающих в связи с этим проблем: каковы свойства этих объектов и в каком смысле они обладают ими? Все ли «пустые» имена имеют референт, а если не все, то на каком основании мы проводим между ними разделение? Каковы критерии существования, идентичности, сходства, различия несуществующих объектов?

Такие философы как У.Куайн, Б.Рассел и другие сторонники двухплоскостной семантики полагали, что онтология несуществующих объектов является излишней и не может быть ясной и непротиворечивой.

Второе основание антиреалистской позиции связано с истинностной оценкой высказываний, содержащих «пустые» имена. Как известно, согласно классической теории истины, предложение считается истинным тогда, когда утверждаемое в нем соответствует действительности. Когда же мы имеем дело с высказываниями, содержащими «пустые» имена, то ввиду того, что эти термины не обозначают ничего в реальном мире, получается, что сказанное в предложении не может соответствовать действительности в принципе и предложения с «пустыми» именами не могут иметь истинностного значения.

Еще одним основанием отказа от реализма является нарушение в высказываниях с «пустыми» именами принципов исключенного третьего и непротиворечия, на которое обратил внимания Б.Рассел в работе «Об обозначении».

Наконец, для некоторых авторов (Б.Рассел, У.Куайн, К.Донеллан, А.Стролл) важное значение имеют эстетические основания, заключающиеся в том, что допущение несуществующих объектов дает нам «перегруженную» и уродливую онтологию, искажающую наше чувство реальности.

В третьем параграфе «История становления антиреалистской интерпретации «пустых» имен прослеживаются предпосылки и развитие антиреалистского взгляда. Можно сказать, что корни антиреалистской позиции содержатся в работах Г.Фреге. Данное утверждение может показаться парадоксальным, учитывая, что Фреге признавал наличие третьего мира, являющегося объективным, но при этом не реальным, в который входят такие предметы как мысли, «истинностные значения, пробеги значений функций,

объемы понятий – и сами функции и понятия»²². Однако утверждая, что в его работах содержатся корни антиреалистской точки зрения, мы подразумеваем его позицию в отношении значения некоторых имен естественного языка, таких как «Одиссей», «самое удаленное от земли небесное тело», относительно которых Фреге утверждает, что «весьма сомнительно, чтобы они имели значение»²³. Согласно Фреге, мы не можем предсказать нечто несуществующей сущности и давать истинностную оценку предложениям с «пустыми» именами.

Б. Рассел, работы которого положили начало антиреалистскому истолкованию «пустых» терминов, пришел к выводу о существовании подлинных и неподлинных имен. Подлинными именами Рассел считал языковые выражения, прикрепляемые подобно биркам к объектам, с которыми мы имеем непосредственное знакомство. Остальные выражения, функционирующие как имена, однако с референтами которых мы не имеем непосредственного знакомства, являются, согласно Расселу, сокращенными дескрипциями. Предложения с такими сокращенными дескрипциями как «Сократ», относящихся к физическим объектам, могли быть истинными или ложными, в то время как предложения с именами, не имеющими значения, всегда оказывались ложными.

Идея Рассела о подлинных именах получила дальнейшее развитие в рамках теории прямой референции, сторонники которой распространили принцип функционирования подлинных имен Рассела на все имена в принципе. Такое понимание имен делало невозможным разговор о несуществующем, поскольку «пустые» имена оказывались лишенными и смысла, и значения.

²² Бирюков Б.В. Послесловие. В логическом мире Фреге. – Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М, 2000, стр. 471.

²³ Фреге Г. О смысле и значении. – Логика и логическая семантика. – М, 2000, стр. 231.

Четвертый параграф «Антиреалистские трактовки «пустых» имен»

посвящен основным стратегиям, которые использовались для объяснения употребления «пустых» имен сторонниками антиреалистской интерпретации.

С нашей точки зрения, данные подходы можно разделить на две группы по критерию применения семантических и прагматических инструментов к интерпретации «пустых» имен. Согласно подходам, которые мы относим к первой группе (замена, перефразирование), «пустые» имена либо элиминируются из области семантики и их использование не подвергается дальнейшему изучению и анализу (Б.Рассел и У.Куайн), либо их референция и истинностное значение предложений с ними релятивизируется относительно определенного контекста (например, вымышленного произведения или научной теории), то есть, строится своего рода контекстуальная семантика таких имен (Р.М.Сэинсбери, Е.Ледников). Ко второй группе можно отнести подходы, в которых используются прагматические инструменты для объяснения употребления «пустых» имен. Сторонники прагматического объяснения также убеждены в том, что «пустые» имена не имеют референтов или вовсе не могут иметь какого бы то ни было семантического содержания, а предложения с такими именами в буквальном смысле являются ложными или не имеют истинностного значения. Успешное использование таких имен в коммуникации они объясняют при помощи прагматики языка: имплицатур, пресуппозиций, языковых игр и т.п.

Одним из важных понятий, применяемых для анализа предложений с «пустыми» именами, является понятие пресуппозиции. В диссертации рассматривается понятие семантических и прагматических пресуппозиций и их применение для анализа высказываний с «пустыми» именами, начиная с работ Г.Фреге и П.Ф.Стросона. В заключении раздела о пресуппозициях рассмотрен подход Р.М.Сэинсбери, предложившего использовать прагматические пресуппозиции для интерпретации предложений с «пустыми» именами.

Философ предлагает воспользоваться прагматическими пресуппозициями как для интерпретации высказываний в контексте вымышленного произведения (внутренних), так и высказываний, выходящих за контекст вымышленного произведения (внешних).

Другим инструментом для анализа высказываний с «пустыми» именами являются импликатуры. В разделе, посвященном импликатурам и когнитивному значению предложений с «пустыми» именами, рассматриваются способы восполнения отсутствующего семантического содержания высказываний с «пустыми» именами при помощи когнитивного значения предложений, а также использование конвенциональных импликатур и импликатур дискурса для интерпретации предложений с «пустыми» именами.

Наконец, одним из популярных подходов, используемых для интерпретации высказываний о вымысле, является концепция языковой игры читателя и автора. Согласно этой концепции, автор словно делает вид (pretend), что нечто обстоит тем или иным образом, а читатели, в свою очередь, делают вид, что допускают данное положение дел. Языковая игра автора и читателя носит интерактивный характер: читатель принимает, что р, если в тексте говорится, что р. При этом он может заблуждаться, принимая, что р.

В пятом параграфе **«Предварительный критический анализ антиреалистских стратегий»** приведены аргументы в пользу того, почему антиреалистские трактовки являются не вполне удовлетворительными. С нашей точки зрения, для подробного анализа положительных и отрицательных аспектов антиреалистских стратегий необходимо посмотреть на эти теории в более широкой перспективе: осветить такие вопросы как соотношение возможностей и границ прагматики и семантики, необходимость построения семантики «пустых» имен. Это исследование осуществлено в третьей главе работы.

Вторая глава «Реалистские интерпретации «пустых» имен»

посвящена истории, основаниям реализма в отношении «пустых имен», а также содержит подробный анализ основных теорий несуществующих объектов, являющихся референтами так называемых «пустых» имен.

В первом параграфе «Основания реалистской интерпретации» утверждается, что главная причина принятия реализма заключается не в функциональных аспектах данного взгляда, позволяющего легко решить проблемы, встающие перед антиреалистскими интерпретациями, но в философских основаниях, на которые опирается реализм.

Среди них важнейшими являются онтологические и лингвистические основания. Такие сторонники реализма как Т.Парсонс, Г.Прист и Э.Залта подчеркивают, что допущение несуществующих объектов является естественным взглядом здравого смысла, вытекающего из того значения, которое имеют несуществующие объекты в науке, искусстве и повседневной жизни. Допущение несуществующих объектов также необходимо для того, чтобы наши интуиции относительно использования языка были отражены в семантической теории.

Еще одним важным основанием принятия реализма является гносеологическое основание. Допущение несуществующих объектов позволяет сохранить отношение соответствия имен объектам и таким образом присваивать им истинностное значение в буквальном смысле.

Помимо этого, допущение несуществующих объектов позволяет решить ряд затруднений, с которыми сталкиваются антиреалистские трактовки.

Одним из таких затруднений является интерпретация высказываний о вымысле. Такие философы как С.Крипке, Н.Салмон и П.В.Инваген полагают, что только введение устойчивых вымышленных объектов может объяснить

употребление имен вымышленных героев в предложениях, внешних по отношению к дискурсу о вымысле.

Во втором параграфе «Исторические корни реализма» прослеживается историческое развитие реалистской позиции.

Все современные реалистские интерпретации «пустых» имен в той или иной степени отталкиваются от теории предметов Алексиуса Майнонга. Австрийский философ, принимавший так называемый «принцип интенциональности», согласно которому ментальные феномены характеризуются «интенциональной направленностью» на объект, пришел к выводу, что должен иметься объект для каждого ментального состояния – является ли этот объект существующим или несуществующим.

В последние годы теория предметов Майнонга стала активно обсуждаться в связи с решением одной из важнейших проблем теории референции – проблемой «пустых» имен. Многие философы полагают, что в теории предметов Майнонга содержатся очень важные положения, развитие которых позволит построить модель использования языка, отражающую наши базовые интуиции словоупотребления. Среди сторонников этой «нео-майнонгианской» линии такие философы как К.Ламберт, Т.Парсонс, Э.Залта, Р.Роутли, Г.Прист, Р.Чизом и другие.

В завершении параграфа обосновывается выбор отдельных реалистских концепций, анализ которых был осуществлен в диссертационном исследовании. При выборе этих концепций мы придерживались следующих критериев: во-первых, рассмотренные точки зрения должны включать все типы объектов, которыми могут быть референты «пустых» имен и, во-вторых, предлагать универсальное решение для всех этих типов объектов, то есть, представлять собой некоторую целостную теорию предметов, включающую в себя многообразие всех возможных референтов «пустых» имен. Исключение

составляет лишь подход Д.Льюиса, рассматривающего только вымышленные объекты, точка зрения которого приведена в силу того, что философ является представителем модального реализма, без которого раздел, посвященный несуществующим объектам, понимаемым в качестве обитателей возможных и невозможных миров, был бы неполным.

В **третьем параграфе** рассматривается теория предметов А.Майнонга, являющаяся отправной точкой исследований современных философов-реалистов. Основные тезисы теории предметов Майнонга можно интерпретировать в терминах современной теории референции следующим образом:

1. Любая обозначающая фраза обозначает некоторый предмет.
2. Этот предмет может быть предметом одного из четырех типов: физическим предметом, абстрактным предметом, возможным предметом или невозможным.
3. «Пустые» имена будут обозначать предметы трех последних видов.
4. Абстрактные предметы наличествуют, а возможные и невозможные предметы, обозначаемые «пустыми» именами, представляют собой актуальные, в определенном смысле конкретные (так как мы можем в буквальном смысле приписывать им свойства, которыми обладают конкретные предметы) предметы, которые, однако, не обладают каким бы то ни было типом существования.

В последней части параграфа обсуждается основная проблема теории объектов А.Майнонга, которую, по всей видимости, невозможно решить в рамках его теории предметов: проблема свойств несуществующих предметов, которые, согласно точке зрения философа, обладают ими в буквальном смысле. На данную проблему обращали внимание Б.Рассел, Г.Кюнг, П.В.Крун,

Г.Гросман, Т.Парсонс, Г.Прист, Э.Залта, предложившие в своих теориях различные способы решения данной проблемы.

Два возможных решения проблемы свойств несуществующих объектов были предложены еще учеником Майнонга Эрнстом Малли, который ввел два разделения, касающиеся свойств объектов. Во-первых, Малли выделял нуклеарные и экстрануклеарные свойства; данное разделение используется в работах Т.Парсонса, Р.Чизома, К.Ламберта и других. Второе разделение, введенное Э.Малли – разделение на два способа предикации. Согласно этой позиции, существует группа свойств, которыми объект обладает в буквальном смысле, т.е. *экземплифицирует* их, и другая группа, которые он лишь *кодирует*. Данный подход реализован в исследованиях Э.Залты, Ван Инвангена, Г.Кастанеды, У.Рапапорта и др.

Четвертый параграф «Теория объектов с двумя типами свойств Т.Парсонса» посвящен теории объектов Т.Парсонса. В разделе рассматриваются введенные Парсонсом упрощения теории Майнонга. В частности, философ выделяет лишь один тип существования – физическое существование. Если объекты физического мира существуют, то несуществующие объекты именуются (there is), но не существуют.

Особое внимание в параграфе уделено введенному Т.Парсонсом разделению на два типа свойств – нуклеарные (характеристические) и экстрануклеарные (онтологические, модальные, интенциональные, технические) – и тому, каким образом при помощи данного разделения философ решает проблемы, встающие перед теорией объектов Майнонга.

Важной особенностью формализации теории Т.Парсонса является отказ философа от онтологической нагруженности кванторов и введение отдельного предиката существования. Это позволяет философу избежать экзистенциальных следствий употребления «пустых» имен.

В пятом параграфе «Теория объектов с двумя типами предикации Эдварда Залты» рассматривается теория объектов Э.Залты. Круг предметов, рассматриваемых Э.Залтой в своей теории предметов, крайне широк: философ включает в теорию объектов вымышленные объекты, объекты интенциональных актов, числа и другие объекты математики и науки, возможные и невозможные миры, формы Платона, положения дел, свойства и многие другие. Все названные выше предметы, рассматриваемые в теории предметов Залты, будут представлять собой абстрактные объекты (под абстрактными объектами философ понимает объекты, которые не могут существовать в пространстве-времени), существующие в нашем мире, но при этом кодирующие свои характеристические свойства.

Два способа предикации свойств, кодирование и экземплифицирование – один из ключевых моментов теории объектов философа. Физические объекты могут обладать всеми своими свойствами в буквальном смысле, то есть, экземплифицировать их. Абстрактные объекты, например, Шерлок Холмс, обладают своими характеристическими свойствами («курить трубку», «жить на Бейкер стрит») не в буквальном смысле, то есть, кодируют их.

Для формализации своей теории Залта также использует экзистенциально нейтральные кванторы и вводит предикат существования. Кроме того, философ ограничивает действие некоторых принципов классической логики для несуществующих объектов.

В параграфе подробно рассматривается, каким образом теория объектов Э.Залты решает трудности, встающие перед концепцией Майнонга.

Вторая часть параграфа посвящена тому, каким образом Э.Залта понимает различные типы несуществующих объектов.

Шестой параграф работы «Несуществующие объекты как объекты в возможных и невозможных мирах» подразделяется на три части.

В первой части параграфа приводится краткая историческая справка, в которой рассматривается развитие модальной логики и ее семантической интерпретации, основным понятием которой является понятие возможного мира. Рассматриваются два понимания возможных миров – модальный реализм и актуальный репрезентационализм. Согласно первому пониманию, возможные миры имеют тот же онтологический статус, что и актуальный мир, поэтому и объекты этих миров существуют в том же смысле, что и объекты актуального мира. Актуальный репрезентационализм понимает возможные миры как репрезентации того, каким образом могли бы обстоять дела в мире.

Далее рассматриваются аспекты семантики возможных миров, имеющие отношение к теме диссертационного исследования. Отмечается, что в последние десятилетия семантика возможных миров стала активно использоваться для интерпретации высказываний, содержащих «пустые» имена.

Из всей совокупности концепций возможных миров в качестве конкретных примеров для рассмотрения нами были выбраны концепции Д.Льюиса, как самого яркого представителя модального реализма, и Г.Приста, который развивал свое понимание возможных и невозможных миров с целью преодоления затруднений, встающих перед теорией предметов А.Майнонга.

Модальный реализм Д.Льюиса, применившего свою теорию модальных двойников для представления вымышленных объектов, анализируется во второй части параграфа. Рассматриваются основные положения концепции Д.Льюиса. Основное внимание в разделе уделяется тому, каким образом Д.Льюис понимает вымышленные объекты. С его точки зрения, вымышленные объекты существуют в возможных мирах как реальные, конкретные предметы

из плоти и крови. Ввиду того, что в вымышленных текстах не отражены абсолютно все характеристики героев, в концепции философа одному вымышленному тексту будет соответствовать целое множество возможных миров, в каждом из которых реализуется то или иное возможное свойство объекта, о котором ничего не сказано в тексте.

Кроме того, рассматривается, каким образом Д.Льюис понимает истину в рамках вымысла и как он объясняет истории с противоречивым содержанием в рамках концепции возможных миров.

В третьей части параграфа рассматриваются неполные и невозможные миры Г.Приста. В отличие от позиции Д.Льюиса, возможные и невозможные миры трактуются Пристом как несуществующие объекты. Согласно позиции Грахама Приста, объекты, являющиеся денотатами имен, не существуют в актуальном мире, но существуют в различных возможных или невозможных мирах. Критерием существования объекта и способом его задания (в возможном или невозможном мире), согласно Присту, выступает ментальная репрезентация индивида.

В своей теории объектов Г.Прист рассматривает несколько видов несуществующих в актуальном мире объектов: это объекты интенциональных состояний, вымышленные объекты, абстрактные объекты и сами возможные и невозможные миры. Все эти объекты обладают своими характеристиками в буквальном смысле, но только в тех возможных мирах, где они существуют. Несмотря на это, объектная область всех миров одинакова вне зависимости от экзистенциального статуса объекта в данном мире, и объекты каким-то образом присутствуют во всех мирах, обладая в них по крайней мере свойством самотождественности.

Для формального представления своей теории Прист использует модальную логику с онтологически нейтральными кванторами, а для

представления противоречивых объектов и объектов интенциональных состояний философ вводит невозможные и открытые миры.

Помимо общих аспектов теории Приста, в диссертации рассматривается понимание философом различных типов несуществующих объектов.

В седьмом параграфе «Сравнительный и критический анализ реалистских стратегий» кратко резюмируются рассмотренные во второй главе концепции. В результате их сравнительного анализа нами сделаны следующие выводы:

1. Подход, согласно которому референтами «пустых» имен являются объекты, населяющие возможные миры, оказывается неудовлетворительным. Данная интерпретация сталкивается с возражениями с позиций референции и онтологии. Как отмечает С.Крипке, основная трудность, встающая перед представлением вымышленных объектов как объектов в возможных мирах, заключается в множественности референтов единичного выражения²⁴. Помимо этого рассмотренные концепции можно упрекнуть в том, что существующие объекты населяют несуществующие миры (Г.Прист), материальные возможные миры не состоят в пространственных отношениях к нашему миру (Д.Льюис).
2. Концепции Т.Парсонса и Э.Залты имеют преимущество перед теориями, опирающимися на семантику возможных миров, поскольку в их концепциях имена обозначают не классы, а единичные объекты. Теория Э.Залты, с нашей точки зрения, является наиболее удачной реалистской интерпретацией из рассмотренных в диссертационном исследовании. Разделение на два типа предикации, кодирование и экземплифицирование, позволяет философу присваивать

²⁴ Kripke S. «Naming and necessity». – Harvard University Press, 1980. – P. 158.

несуществующим объектам противоречивые свойства и свойства, которые имели бы экзистенциальные следствия, если бы приписывались в буквальном смысле.

3. Тем не менее, ни одна из рассмотренных теорий не дает объяснения тому, как существуют объекты, обозначаемые «пустыми» именами. Если мы допускаем соответствующие объекты, о которых мы можем говорить и которые обозначаем именами нашего языка, эти объекты неизбежно должны обладать реальностью определенного рода. С нашей точки зрения, представление таких объектов как несуществующих и как объектов в возможных мирах, не дает удовлетворительного объяснения того, почему мы принимаем, что данные сущности являются объектами и какого рода реальностью они обладают.

В третьей главе работы **«Реализм или антиреализм в истолковании «пустых» имен?»** предпринята попытка посмотреть на проблему «пустых» имен в более широкой перспективе, проанализировать инструменты решения этой проблемы в рассмотренных подходах, а также лежащие в их основе предпосылки. В третьей главе работы мы ставили перед собой три задачи: 1) дать ответ на вопросы, является ли необходимым построение семантической теории «пустых» имен, 2) должны ли философы отталкиваться в своих семантических изысканиях от обыденного словоупотребления или, напротив, семантическая теория должна уточнять естественный язык и, наконец, 3) проанализировать, насколько принимаемые большинством аналитических философов представления об использовании имен соответствуют реальной практике употребления этих терминов.

В первом параграфе **«Пустые» имена: семантическая теория или прагматическое объяснение?»** проводится критических анализ

прагматических антиреалистских стратегий. Прагматические интерпретации оказываются не вполне удовлетворительными как в силу встающих перед ними трудностей, так и в силу неоправданного переноса значения большого числа языковых выражений в сферу прагматики. В параграфе подчеркивается, что говорящие принимают пресуппозицию существования, если и не всех, то по крайней мере некоторых референтов «пустых» имен. Из этого мы делаем вывод, что если философия языка стремится к построению наиболее полной модели использования естественного языка, то интуиция существования референтов «пустых» имен должна быть отражена в семантической теории этих имен.

Во втором параграфе «Естественный язык: отправная точка для лингвистических исследований или источник философских заблуждений?» рассматривается вопрос, стоит ли философам языка исходить из обыденного словоупотребления при построении семантических концепций или грамматическая форма естественного языка дезориентирует нас и задача философа состоит в уточнении естественного языка и построении семантической теории, которая раскрывала бы подлинную структуру языка.

В параграфе рассматривается развитие представлений о естественном языке в аналитической философии. Мысль о том, что грамматическая форма языка и его логическая форма могли существенно отличаться, прозвучала впервые в работах Г.Фреге. Она получила дальнейшее развитие в работах Б.Рассела и логических позитивистов. Однако в работах Г.Райла, П.Ф.Стросона и Дж.Остина наметился иной подход к естественному языку, согласно которому естественный язык может давать полезную для философского исследования информацию и служить источником важных философских интуиций о сущности тех или иных понятий. По мнению Дж.Остина, анализ того, что мы говорим и что под этим подразумеваем, является одним из

философских методов, который может пролить свет на решение философских проблем, в том числе, проблем философии языка.

Стоит отметить, что для осуществления успешного исследования в философии языка необходимо не только отталкиваться от практики обыденного словоупотребления, но и осуществлять определенную «терапевтическую» работу. Однако выбор приоритетного направления исследования зависит от исходных задач, которые ставит перед собой философ.

С нашей точки зрения, перед реалистами и антиреалистами, анализирующими высказывания с «пустыми» именами, стояли различные задачи. Если антиреалисты при решении вопроса о наличии или отсутствии значения у «пустых» имен ставили на первое место соответствие некоему пониманию идеальной научной теории, то цель реалистов состояла в отображении в своих теориях многообразия языка и обыденного словоупотребления. В связи с этим антиреалисты используют прагматические подходы для интерпретации «пустых» имен, а реалисты строят семантические теории этих имен. Обосновывается мысль о том, что если целью философа является отражение обыденного словоупотребления и наших интуиций относительно использования языка и «пустых» имен, то единственно возможным взглядом, который позволяет достичь этой цели, является реализм.

В третьем параграфе работы «Пустые» термины как подлинные имена» предпринята попытка критически взглянуть на принципы теории именования в формулировке Р.Карнапа (предметности, однозначности, взаимозаменяемости) и ее неявные предпосылки и проанализировать, насколько эти предпосылки и принципы отражают обыденное употребление имен в языке. В результате этого исследования мы пришли к выводу, что, с определенной позиции, «пустые» имена имеют больше оснований считаться подлинными именами, поскольку их смысл четко задан в соответствующих текстах, поэтому

эти термины в гораздо большей мере выполняют принципы отношения именованя.

Действительно, смысл так называемых «пустых» имен полностью расшифрован в соответствующем контексте (художественный текст, тексты научных теорий). В этом отношении мы можем говорить, что их смысл задан интересубъективно. С другой стороны, воспринимая определенный физический предмет, мы получаем образ, обусловленный особенностями органов чувств, нашего сознания и мышления. Характеристики этого образа в нашем сознании и будут представлять собой смысл, который говорящий будет связывать с термином, обозначающим данный объект. Поскольку смыслы, вкладываемые разными людьми в одно и то же имя, будут разными, постольку и задаваемые этими смыслами объекты будут различными.

С нашей точки зрения, с так называемыми «пустыми» именами дело обстоит иным образом. Разумеется, мы также можем спорить об интерпретации смысла «пустого» имени и в некоторых контекстах говорить об общезначимом смысле таких терминов крайне затруднительно. Однако есть некоторые контексты (в частности, можно привести в пример гипотетический объект науки – планету Вулкан), где смысл задан настолько однозначно, что не допускает различных толкований. В этом случае говорящие будут обозначать такими терминами единственный объект.

Учитывая эти соображения, на наш взгляд, можно утверждать, что «пустые» имена в большей мере соответствуют принципу однозначности теории отношения именованя.

Заключение

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки проблемы «пустых» имен.

Основное содержание и выводы диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

I. Статьи в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Мигла А.В. Какие имена можно назвать подлинными собственными именами? // Эпистемология & Философия науки. №2. –М.: «Альфа-М», 2012, с. 86-89.
2. Мигла А.В. Существуют ли вымышленные объекты? (рецензия на книгу Сэинсбери Р.М. Вымысел и фикционализм) // Эпистемология & Философия науки. №3. –М.: «Альфа М», 2010, с. 233-238.
3. Мигла А.В. Два образа науки: о книге Е.А.Мамчур «Образы науки в современной культуре» // Эпистемология & Философия науки. №1. –М.: «Канон+», 2009, с. 238-241.

II. Статьи, опубликованные в сборниках конференций:

4. Мигла А.В. Подходы к решению проблемы «пустых» имен в аналитической философии // Материалы Всероссийской научной конференции «Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России», СПб.: Изд-во филос.ф-та СпбГУ, 2012, с. 170-172.

5. Мигла А.В. Значение и существование в философии Д.Юма // Материалы Международной конференции «Дэвид Юм и современная философия», Т.3 «Философия сознания и метафизика», М.: «Альфа М», 2011, с. 59.
6. Мигла А.В. Некоторые проблемы теории прямой референции, связанные с употреблением «пустых» имен // Материалы конференции «Именованное, необходимость и современная философия», СПб.: «Алетейя», 2011, с. 170-181.
7. Мигла А.В. Основные затруднения современного функционализма // Материалы Всероссийской конференции «Искусственный интеллект, искусственная жизнь, информационные технологии», Пермь, Изд-во Пермского государственного технического университета, 2007, с. 33-43.